

ПРИКЛАДНОЙ ПСИХОАНАЛИЗ

ПСИХОАНАЛИЗ КИНО

Концепция белого психоза А. Грина и Ж.-Л. Донне в фильме Ж.-К. Лозона «Леоло»

О. В. Цанава

Цанава Оксана Владимировна – психолог, психоаналитический психотерапевт (Общество психоаналитической психотерапии), ассоциированный член Московской психоаналитической ассоциации, преподаватель АНО ДПО «Высшая школа психологии», супервизор учебных групп магистерской программы «Психоанализ и психоаналитическая психотерапия» в НИУ «Высшая школа экономики».

В статье рассматривается концепция белого психоза А. Грина и Ж.-Л. Донне через анализ главного героя фильма Ж.-К. Лозона «Леоло», а также проводится сравнительный анализ характеристик белого психоза у пациента Z, описанного Грином и Донне в книге «L'enfant de ça. Psychanalyse d'une interview: psychose blanche» (Donnet, Green, 1973), и киноперсонажа Лео в фильме Лозона «Леоло».

Ключевые слова: белый психоз, психотическая потенциальность, трибиангуляция, паралич мышления, фильм «Леоло», режиссер Ж.-К. Лозон, мечтание, символизация.

«Я мечтаю, поэтому я не сумасшедший» – эту фразу произносит двенадцатилетний мальчик Лео Лозон в фильме под названием «Леоло» канадского режиссера Жан-Клода Лозона, вышедшем на экраны в 1992 году (в фильме мальчика называют Лео Лозо). Слова о мечтании не раз прозвучат в этом фильме, для Лео мечтание – насущная потребность, он понимает, что только мечты удерживают его от того, чтобы погрузиться в тяжелое психотическое состояние, подобно другим членам его семьи.

Мечтание, грезы – особый вид мышления – утратив способность к мечтанию человек, обречен на утрату смыслов, надежд на будущее, потерю остроты переживаний и связей с собственными желаниями. Фильм «Леоло» Жан-Клода Лозона получил много наград на кинофестивалях Канады и других стран, был удостоен премии за режиссуру, а также награда как лучший фильм и лучший сценарий, считается одним из выдающихся канадских фильмов, когда-либо снятых. Кинокритики сравнивают этот фильм Лозона с некоторыми фильмами Л. Бунюэля, Ф. Феллини и К. Жютра (*McSorley*, 2006). Этот фильм может быть понят через призму психоаналитической теории, в истории, которую нам показывает режиссер и рассказывает голос Лео за кадром, практически сразу улавливается психоаналитическая глубина.

Кинематографическая история о Лео рассказывается так, что зритель становится свидетелем определенного периода его жизни, погружается в его жизнь, сны и фантазии. Иногда тонкие сюжетные линии между реальностью, миром фантазий и сновидений размываются, такой тип сценария в кинематографе называется «структурой сновидения» (Миямото, 2025). Подобная структура фильмов чаще всего представлена в авторском сегменте кинематографа и является уникальным высказыванием режиссера. Психоаналитический взгляд на эту историю подсказывает, что она не является лишь выдумкой режиссера, такие истории создаются авторами на основе их глубоких травматических переживаний, фантазмов, снов и воспоминаний. Режиссер и сценарист этого фильма Жан-Клод Лозон рассказывает нам именно такую, автобиографическую историю о своем далеко не радужном детстве, проведенном в семье, некоторые члены которой были психически больны, а также отражает в фильме и собственный опыт пережитого психоза.

Лео живет в Монреале с отцом, матерью, дедом, двумя старшими сестрами и старшим братом Фернаном. Его отец – рабочий на заводе, мать – домохозяйка. Яркие воспоминания Лео о его раннем детстве погружают зрителя в атмосферу жизни этой семьи. Некоторые ее члены демонстрируют анальные фиксации. Голос за кадром от лица Лео рассказывает нам о том, как родители его отца убеждали его в том, что главный залог здоровья – это ежедневная дефекация, и отец строго следил за опорожнением кишечника у своих детей. Им давали слабительное, если дефекация не наступала естественным образом, проверяли горшки и содержимое унитаза. Одно из первых детских воспоминаний Лео – он на горшке, а его мать сидит на унитазе напротив в ожидании его дефекации. Лео любит свою мать и совсем не любит своего отца, он не признает его, отрицает его отцовство. К матери он привязан очень сильно, он любит запах ее пота, успокаивается, обнимая ее полное тело, похоже, что и мать тоже любит его больше других своих детей. Ему кажется, что мать похожа на мощный фрегат, что она может все, это образ фаллической, доэдипальной матери. Но мать не единственная любовь Лео и не единственный объект идеализации, он платонически влюблен в Бьянку – соседскую девочку итальянского происхождения, она старше его и кажется ему недосыгаемой. Идеализация матери, отрицание отца и ненависть к нему дают

повод задуматься о том, каков же у Лео фантазм о первосцене. Такая диспозиция объектов может привести к первофантазму о самопорождении, характерному для психозов. Также важно отметить, что при невозможности воспринимать родительские объекты амбивалентными есть опасность, что идентичность будет неустойчивой или не сформируется (Капсамбелис, 2025).

Лео отрицает свое происхождение, в его фантазиях он итальянец и его зовут Леоло Лозоне, а его родной отец отцом ему не является. В фильме он произносит следующее: «Они говорят, что это мой отец, но я знаю, что нет, потому что этот человек сумасшедший, а я нет, потому что я умею мечтать». Далее в фантазиях Лео переносится в Италию, и его психика создает сон о его воображаемом отце. В этом сне его отец находится на поле, где он и другие люди собирают урожай помидоров, этот мужчина возбуждается от вида какой-то женщины, наклонившейся к земле, чтобы срывать плоды, и, наблюдая за ней, эякулирует в ящик с помидорами, который готов к отправке на экспорт. Далее эти помидоры оказываются на рынке в одном из кварталов Монреаля, где мать Лео, делая покупки, неожиданно падает в большой прицеп с помидорами и один из них, содержащий сперму мужчины из Италии, попадает внутрь нее и оплодотворяет. Веря в эту невероятную историю, принимая этот сон за реальность, Лео считает себя итальянцем, сыном этого мужчины, а своего отца – сумасшедшим и примитивным недоумком, однако и образ воображаемого отца Лео не может себе представить, он говорит: «Из-за того что мой настоящий отец – итальянец, я никогда не видел его лица» (Лозон, 1992).

Двух женщин из своего окружения Лео любит и идеализирует: мать и Бьянку. Также он очень хорошо относится к обеим своим сестрам – по-настоящему сумасшедшим девушкам, каждая из которых позже в фильме окажется в психиатрической больнице. Ко всем мужчинам из своей семьи он испытывает ненависть или презрение. Отца он обесценивает, считает сумасшедшим, но это лишь восприятие Лео, в фильме его отец не кажется психически больным, он показан как заботливый, работающий на благо своей семьи, хоть непривлекательный и простоватый человек. Ненависть Лео к отцу и эдипальная конкуренция с ним отражены в этой фразе: «Стволом целюсь в своего отца, я хочу взорвать такую большую бомбу под его задницей!» (Лозон, 1992). Фигура деда оказывается тоже очень конфликтной: поначалу Лео может удерживать его образ относительно амбивалентным, но в целом он считает, что именно дед виноват в бедах их семьи. В фильме он произносит следующее: «Наследие моего деда взорвало мою семью изнутри. Это повлияло на каждого из нас», но дед, как и отец, в фильме не выглядит психически больным. Его дед сыграет свою «взрывную» роль для внутреннего мира Лео в реальной истории с Бьянкой, но это будет показано в финальных сценах фильма. У Лео хорошие отношения со старшим братом Фернаном, в фильме брат кажется умственно отсталым, со скудной способностью к символизации, Лео говорит о нем: «Прекрасный младенец, выросший до огромных размеров» (Лозон, 1992). Особенное место в этой истории принадлежит «Укротителю слов» – этот персонаж появляется в доме семьи Лео

как случайный прохожий, но становится для него защитником и учителем, именно он говорит Лео о том, что ему необходимо мечтать. Слова Лео о нем: «Он был переродившимся Дон Кихотом, и он должен был защитить меня от черной дыры моей собственной семьи» (Лозон, 1992). После ухода «Укротителя слов» в доме семьи Лео появляется книга под названием «L'avale'e des avale's»¹. Это была единственная книга в доме, где никто, кроме него, никогда ничего не читал. Лео часто читает эту книгу и говорит о ней: «Книга должна рассказать, что на свете есть больше жизни, чем я беру, что надо действовать» (Лозон, 1992). Затем Лео и сам начинает писать, это роман о его семье, он писал все, что приходило ему на ум, так, как будто члены его семьи – это посторонние люди. Он писал и о Бьянке, разница в возрасте с ней казалась ему непреодолимой, он не надеялся на взаимность в реальной жизни, о Бьянке Лео только мечтал. В фильме он произносит такие слова: «Мне достаточно было читать и писать, и она (Бьянка) снова пела для меня. "Укротитель слов" был прав, что в словах, соединенных вместе, таится смысл». Оливер Сакс говорил: «Писательство – это оплот против хаоса. Я должен писать, чтобы смириться с опытом» (Цит. по: Буш, 2020, с. 19).

В фильме не раз показано, как Лео пишет, а голос за кадром озвучивает его мечты о Бьянке и Италии. «Мечта для человека является насущной потребностью, целью, которая организует вокруг себя пространство, структурирует Бытие человека для самоактуализации и чувствования себя нужным в обществе человеком» (Буш, 2020, с. 5). Суть бионовского понятия о мечтаниях заключается в том, что у человека есть возможность трансформировать более примитивные психические состояния в потенциально репрезентируемые мысли (Буш, 2020). Мечтание в теории Биона «описывается как ментальный эквивалент "пищеварения" и является результатом материнской любви, которая заключается в ее способности воспринимать все чувства ребенка», «основная функция мечтаний описывается как изменение бета-элементов в альфа-элементы в результате работы альфа-функции» (Буш, 2020, с. 34–35). «Символизация – уникальный, присущий только человеку психический процесс замещения одних образов другими идеационными образованиями, характеризующимися лишь отдаленным сходством с первичными представлениями – сходством, основанным на случайных, вторичных, малосущественных деталях. <...> Символообразование сдерживает разрядку напряжения, возникающую между побуждениями и возможными реакциями. Символы призваны

¹ «L'avale'e des avale's» («Проглоченная проглоченных») – роман канадского писателя и драматурга Режана Дюшарма, опубликованный в 1966 г. Известно, что этот роман произвел большое впечатление на Жан-Клода Лозона и частично вдохновил его на создание фильма «Леоло» (McSorley, 2006). Главная героиня романа – Беренис, девочка девяти лет, проживающая в семье с консервативными взглядами, отец – символ патриархального общества, мать – под видом доброты пытается поработить дочь. Беренис, отчаянно нуждаясь в понимающей матери, утрачивает доверие и любовь к ней и ненавидит ее. В попытках сохранить субъективность девочка сопротивляется пространству угнетения через среду воображаемого. Она, как и Лео, мечтает и говорит: «Жизнь проходит не на земле, а в моей голове. Жизнь в моей голове, а моя голова – в жизни» (Landry, 2020).

смещать желания с запретных объектов на объекты-"заменители", обеспечивая тем самым непосредственное удовлетворение. Компромисс, достигаемый частичной экспрессией с помощью символов, служит как индивиду, так и культуре» (Психоаналитические термины и понятия, 2000, с. 193–194). «Правильные символы позволяют нам использовать инстинкты такими способами, которые не являются непосредственными заместителями сексуальных объектов – более возвышенными, нежели приземленными» (Хиншелвуд, Фортуна, 2022, с. 142). Лео мечтает и пишет, все психические силы мальчика направлены на символизацию, для того чтобы справиться с желанием к Бьянке и чтобы оградить себя от тяжелых переживаний, с которыми он сталкивался.

Лео воспринимает «Укротителя слов» как своего спасителя и наставника и компульсивно следует его советам – много пишет, пишет все, что приходит ему на ум. Тем временем обе его старшие сестры одна за другой погружаются в тяжелый психоз. Мы не знаем точный возраст девушек и какова разница в возрасте между ними и Лео, но становится понятно, что с возрастом их психическое состояние серьезно ухудшается. Сестра Нанет в бреду ищет украденного у нее несуществующего ребенка, сестра Рита попадает в психиатрическую больницу в состоянии обездвиженности, полной безучастности ко всему, в состоянии ступора. Лео сочувственно относится к своим сестрам, сам он в фильме не выглядит психически больным, но тем не менее мать отводит его в психиатрическую больницу. Вероятно, это происходит из-за того, что мать не может понять фантазий, которые так сильно захватили ее младшего сына, и не может разубедить его в том, что он не сын итальянца, а сын своего отца. Врач-психиатр обращается к нему как к Лео, он же утверждает, что он Леоло Лозоне. Вероятно, здесь можно задуматься о том, не являются ли его фантазии бредовой симптоматикой? Бред входит в группу психопродуктивных симптомов (Руководство по психиатрии, 1983), «теплых» психозов, а «холодные», «небредовые» психозы находятся в оппозиции к ним (Капсамбелис, 2023). Капсамбелис пишет: «...*"небредовые"*, *"холодные психозы"* и вся та патология, где ментальное функционирование использует механизм, который после отрицания приводит к расщеплению Я, скорее формируя некую *"неореальность"*; пограничное состояние также можно отнести в некотором смысле к ним, однако эта модальность также может представляться как эволюция бредовых психозов, когда работа бреда отходит на второй план. Что же здесь является центральным? В бредовых психозах есть некая работа денатурации, если не изобретения желания объекта, финальная цель которой – отрицать желание, чтобы заменить его желанием, которое станет фактически частью Я и будет им (Я) присвоено (такой является, во всяком случае, фрейдовская гипотеза), психотическая работа в этой второй модальности состоит в *отрицании самого характера объекта в качестве желаемого объекта*. Следует работа по реификации [reification] объекта, в том смысле, что этот последний остается безжизненным, *"овеществленным"* и, следовательно, полностью лишенным влечений и собственных желаний: объект, полностью поставленный на службу, использование и манипуляцию Я,

т. е. тем или иным образом на службу его нарциссических потребностей (Кестемберг, 2001)» (Цит. по: Капсамбелис, 2023). Капсамбелис подчеркивает сложность, противоречивость толкований психотических состояний в психоаналитической психопатологии и предлагает принять в качестве оси для размышления «отношение к реальности», когда речь идет о психозах (Капсамбелис, 2023). «Исходя из этой концепции отрицания различные формы психозов могут быть обособлены, особенно отрицание с последующим созданием новой реальности (бредовые психозы), отрицание с расщеплением Я (небредовые психозы)» (Капсамбелис, 2023). Лео отрицает реальность по отношению к отцу и все те характеристики, допускающие его принятие и любовь к нему, он ненавидит отца и не принимает тот факт, что он является его отцом, мать же является объектом идеализации. Это главное расщепление в его психике и основа всех других процессов расщепления. Исходя из определения небредовых, «холодных» психозов, данного Капсамбелисом, можно предположить у Лео именно такую форму психоза. Похоже, что психиатр в эпизоде разговора с Лео о Леоло приходит к похожему выводу; врач не предлагает лечения, а скорее откликается через понимание его расщепления, в фильме звучит такой диалог. Лео: «Я Леоло Лозоне». Врач: «И ты не рассказываешь о людях, о которых ничего не знаешь».

Лео считает, что психозы были у всех членов его семьи, кроме него и его матери, а также что психозы у всех сумасшедших членов семьи иногда совпадали и все они лежали в больнице одновременно, в детстве он ощущал их как неживых, в фильме он произносит: «Я не хочу жить среди живых мертвецов» (Лозон, 1992). Однако состояние деда, отца и брата Фернана не получается диагностировать как психотическое, возможно, то состояние, которое свойственно мужчинам этой семьи, включая и Лео, можно попробовать понять как психотическую потенциальность, через концепцию белого психоза А. Грина и Ж.-Л. Донне (Благова, 2022). Мать Лео показана в фильме теплой и заботливой, но предположительно между ней и ее детьми могла происходить очень патологическая коммуникация, если дочерям не удалось избежать психоза, старший сын оказался умственно отсталым, а Лео вынужден компенсаторно прибегать к функции мечтания как аналогу того бионовского мечтания матери, которое должно происходить между ней и младенцем и вести к альфа-бетизации.

Грин и Донне определяют белый психоз как психоз без психоза, как наличие в психике некой матрицы, «порождающей структуры как условия возможности психотического развития, но без необходимости такого развития» (Благова, 2022, с. 6). П. Оланье (*Olanye*, 2001) находит некоторые характеристики белого психоза в предложенном ей понятии о шизофреническом потенциале. При белом психозе психотического развития может не быть, речь идет о психотической потенциальности, которая опирается на структуру психики и историю развития. Белый психоз представляет собой комбинацию симптомов, сложно поддается определению и описанию, это скорее невидимая структура, она редко проявляется в чистом виде, может быть ошибочно принята за пограничное состояние, более или менее невротическое депрессивное или психотическое без ярких

признаков. По мнению В. Капсамбелиса Грин и Донне хотели обнаружить общее ядро, которое есть у всех психотиков, концепция белого психоза – это и есть гипотеза о психотическом ядре, матрице, психотической структуре, которая означает вероятность возникновения психоза. Ядро белого психоза по Грину и Донне – это колебание между двумя явлениями: мыслью, которую нельзя думать, и невозможностью обдумывать мысль. Это ведет к снижению мыслительного процесса, следствием чего может стать психическая смерть. Капсамбелис подчеркивает важность мышления для психики – без мышления психический аппарат не может существовать, с точки зрения Грина, психоз возникает из того, что не переработалось психически (Капсамбелис, 2025).

Авторы концепции выделили три критерия, по которым можно распознать белый психоз: «1) эдипальная организация: трибиангуляция; 2) объектные отношения: торможение функции репрезентации; 3) ментальное функционирование: блокирование процессов мышления» (Благова, 2022, с. 6). «Трибиангуляция» – термин, созданный для описания эдипальной организации при белом психозе, которая формально остается триангулярной, но лишена своей половой, сексуальной составляющей. Родители распознаются не в различии своих полов и функций, а исходя из их качества, дуальности «хороший – плохой». Трехстороннее разделение между субъектом, объектом хорошим и объектом плохим фактически приводит к дуальным отношениям, поскольку третий объект всегда оказывается лишь двойником. Глубинное различие объектов строится по критериям: «хороший и плохой объект, с одной стороны; ничто (или утрата) и доминирующее присутствие – с другой» (Цит. по: Благова, 2022, с. 6–7). При такой эдипальной организации амбивалентность отрицается, плохой объект эвакуируется психикой, а хороший объект становится контейнером для обитания и убежищем, но плохой объект при эвакуации не исчезает совсем, а оказывается обрамлением хорошего. Это соседство стирает образ хорошего объекта, психика предпочитает стереть его, лишь бы он не стал похожим на плохой. Таким образом хороший объект превращается в отсутствующий, вместо него образуется ничто, пробел (Благова, 2022).

Дуальность «плохой – хороший» – это отличительная черта эдипальной организации у Лео, его мать – идеализированный объект, а отец – объект ненависти и отрицания, он эвакуирует его из своего первофантазма и настойчиво пытается заменить его фантазийной, идеализированной фигурой итальянца, лица которого он не может себе представить. Образ итальянца не является объектом, а лишь дублирует идеализированный образ матери. В итоге плохой объект оказывается изгнанным, но не совсем, он становится обрамлением хорошего объекта, который в теории Грина и Донне в свою очередь оказывается отсутствующим, психика стирает его, чтобы он не слился с плохим. На месте хорошего объекта оказывается пустое место. Триангуляция оказывается невозможной, возникают дуальные отношения при наличии формальных триангулярных, формируется трибиангуляция. В итоге вместо хорошего объекта (матери в случае Лео) оказывается отсутствие, пустота, которая невероятно пугает мальчика. Именно эту пустоту он пытается заполнить своими

фантазиями, мечтами, текстами, он хватается за них как за спасательный круг. Брейнский рассматривает белый психоз и художественное творчество как два полюса: белый психоз с его массивным разрушением связей, парализующим окаменением безнадежности и художественное творчество – сложное выразительное проявление, попытка вернуть жизненность, воссоздать связи, получить результат, которым можно поделиться, пусть даже только в фантазии (Breinski, 2020). Мечты Лео о Бьянке, его фантазийная идентичность, выдуманная история его рождения, роман о своей семье, который он пишет, – все это отчаянные попытки удержаться от обрушения в психоз, имеющие слишком высокую цену. Иногда злость на объекты и свою тяжелую долю переполняет его, в фильме он произносит такие слова: «Может быть, мне нужно приставить ствол к моему носу и взорвать мои мысли? Ублюдки! Это встряхнет их, когда они узнают, что я взорвал себя».

Лео двенадцать лет, он учится в школе, изучает английский язык. Преподаватель показывает ученикам на уроках картинки двух персонажей – Джона и Мэри – и по-английски называет видимые части их тел, элементы одежды и всё, чем они пользуются. Лео говорит, что ему было понятно все, кроме того хвостика, который растет у него между ног, на картинках в школе такого хвостика не было ни у Джона, ни у Мэри. Капсамбелис говорит, что непризнание сексуальных отношений родителей и разделение их по критериям «хороший – плохой», как это бывает при белом психозе, подтверждает, что человек не видит разницы между полами и не может признать необходимую амбивалентность треугольных отношений (Капсамбелис, 2025). Все это дает повод к тому, чтобы представить, как проходила у Лео инфантильная генитальная стадия психосексуального развития, если в подростковом возрасте люди оказываются в его представлении бесполоыми. «При развитии влечений на инфантильной генитальной фазе внимание мальчика приковывается к его гениталиям. Эксгибиционизм достигает высшей точки, и мальчик может чувствовать возбуждение, удовольствие, тревогу и часто бывает озадачен несокрушимой природой своего пениса, его эрекцией и опаданием. Обычно мальчик начинает идеализировать отца и отцовский пенис, желая сам обладать таким же» (Тайсон, Тайсон, 1998, с. 72). Эдипов комплекс рассматривается в контексте генитальной фазы психосексуального развития. Как отмечалось выше, отличительной чертой эдипальной организации у Лео является трибиангуляция. Психика Лео из-за ненависти к отцу не может допустить идеализацию и идентификацию с ним, отец – плохой объект и изгнан вовне, он пытается удержаться за идеализированный материнский образ, заменяя им отсутствующую репрезентацию хорошего объекта, однако эвакуированный плохой объект угрожает вторжением. В концепции белого психоза считается, что «связь между хорошим объектом и плохим объектом никогда не устанавливается, они лишь питают друг друга. Строгое, ригидное расщепление стремится помешать установлению связи, контакту между хорошим и плохим объектом. Тогда возникает фантазм о первосцене, о которой невозможно помыслить, потому что в этом совокуплении плохого объекта и хорошего объекта произойдет

как загрязнение хорошего объекта плохим объектом, так и в крайнем случае разрушение хорошего объекта плохим объектом ввиду того, что идеализация хорошего объекта не может победить преследование плохого объекта, поскольку преследование является лишь тенью идеализации. Иными словами, расщепление сопровождается отрицанием малейшей связи между этими двумя объектами, которым не суждено встретиться» (Цит. по: Благова, 2022, с. 10). Капсамбелис поясняет, что при белом психозе Эдип не отсутствует, он разрушен (Капсамбелис, 2025).

Со временем от любопытства к разнице полов и поиска «хвостика» у Джона и Мэри Лео переходит к мастурбационной активности. Он надрезает кусок печени, взятой на кухне своей матери, так, что он становится похожим на большие половые губы, и использует его для мастурбации. Также он разглядывал журналы с обнаженными женщинами, одержим этим, ему кажется, что это происходит не с ним, но все же не только внутренние побуждения, но и окружающая действительность сталкивают Лео с неблагоприятными сторонами некоторых человеческих желаний. Он наблюдает, как один из парней приблизительно его лет насилует кошку, но самым шокирующим переживанием для него оказывается эротическая связь Бьянки с его дедом. Он не раз подглядывал за ними и видел, как Бьянка оказывает его деду эротические услуги за деньги. Он осуществляет неудавшуюся попытку убить своего деда, но сам травмируется и попадает в больницу. Позже и сам он обращается к более взрослой девушке Реджине за эротическими ласками. С тех пор как Лео вынужден был подчиниться сексуальным импульсам своего тела и обнаружил, что Бьянка – объект его платонической любви – далека от того идеализированного образа, который был создан его воображением, он утрачивает способность к мечтанию и символизации. Лео безуспешно взывает к идеализированному образу Бьянки, но она больше не появляется в его мечтах, и он чувствует, что этот идеализированный образ мстит ему за измену, лишая способности мечтать.

Следствием расщепления на хороший и плохой объект в концепции белого психоза также являются нарушение функции мышления или паралич мышления. Момент зарождения психоза нужно искать в области мышления, при психозе желание не может быть записано в язык мышления, чтобы мысли могли стать мыслями желания, пишут авторы концепции. В теории У. Биона (Бюн, 2009) мысли появляются в результате отсутствия объекта. «Грин писал, что мыслить – это принять к сведению сепарацию с объектом, а не истощать себя, пытаясь воссоздать его присутствие» (Благова, 2022, с. 8). Если объект присутствует все время или присутствует недостаточно, то такой объект изгоняется из себя, мысль приравнивается к объекту и эвакуируется как плохой внутренний объект. В концепции белого психоза плохой объект вторгается из обрамления хорошего и вызывает бредовое ощущение постоянного воздействия, это не позволяет оформиться депрессии по хорошему объекту, истощает Эго из-за бесконечных попыток избавиться от плохого объекта. Переходное пространство – колыбельная для фантазий между матерью и ребенком – не может установиться из-за отсутствия триангуляции, отношения остаются

дуальными, поскольку два персонажа в первосцене – это один и тот же персонаж, разделенный на две части, что соответствует понятию трибунгуляции. Паралич мышления наступает вследствие дезинвестирования мышления, так как, никогда не отсутствуя, объект не может быть помыслен. Деструктивные влечения нападают на Я и на мышление как на его производное, а Сверх-Я нападает на Я, так как нельзя ни желать разрушить плохой объект, ни горевать о хорошем. Хороший объект не может удерживаться внутри психики долго: его либо недостаточно, либо он устраняется плохим объектом. Если все же плохой объект уступает ненадолго место хорошему, после этого наступает пустота из-за ощущения безобъектности, плохой объект пугает своей неустранимостью. «Этот конфликт приводит к тому, что хороший объект идеализируется, практически обожествляется, обида и злость на него отрицаются, его нужно сохранить во что бы то ни стало, сохранить чистым, держать как можно дальше от плохого объекта, с другой стороны, присутствует навязчивое, жестокое, почти дьявольское преследование плохим объектом, любые чувства к плохому объекту, необходимость в нем, прошлое с таким объектом негативируются» (Благова, 2022, с. 10).

Лео удавалось удерживаться в реальности с помощью переходного пространства, в котором он размещал свои идеализированные фантазии о хорошем объекте, это происходило до тех пор, пока амбивалентные импульсы сексуальных влечений не прорвали оборону сублимации. Сохранять хорошие объекты в чистоте стало невозможно, Бьянка приобрела характеристики плохого объекта, Реджина подтвердила существование амбивалентных характеристик объекта, а мать Лео стала сексуальной партнершей его отца. Хороший объект слился с плохим объектом, он оказался загрязнен им, скорбь по нему не смогла проявиться, в итоге психика Лео нашла такой выход – выбросить из психики, негативировать все, что связано с ним, – место хорошего объекта заполнилось пустотой. Лео оказывается в психиатрической больнице, врач хочет определить его в отделение, где лежат и другие члены его семьи. Голос Лео за кадром произносит слова о потере способности мечтать, о меланхолии, он понимает, что побежден и дорого заплатил за временную победу над тем, что преследовало его, и чувствует, как погружается в белую безмятежность.

Депрессивные ощущения таких пациентов рассматриваются авторами концепции о белом психозе как пустота, близкая к эссенциальной депрессии. Эти ощущения имеют отношение к выражению деструктивных влечений, атакующих процесс связывания, авторы не обнаруживают карательного значения в них, как бывает при депрессии. Происходит атака на аппарат мышления, на те мысли, которые невыносимы. Пробелы, образующиеся из-за стирания репрезентаций, прерывают связи, осуществляется переход от временной негативной галлюцинации к более длительному состоянию белого психоза. По мнению Дюпарка, «белый психоз является источником и инверсией галлюцинаторного психоза» (Цит. по: Благова, 2022, с. 11). В финальной сцене фильма Лео находится в больнице, он лежит в ванне, наполненной водой и кусочками льда, его взгляд ничего не выражает и направлен куда-то вверх. Преднамеренное охлаждение

тела, или общая гипотермия, ранее применялось в психиатрической практике для лечения больных шизофренией. Затем в фильме слышен голос врача за кадром, который назначает Лео антипсихотический препарат «Ларгактил», 100 мг внутримышечно.

А. Грин, Ж.-Л. Донне и П. Оланье писали о белом психозе и о шизофреническом потенциале как о потенциальной возможности психотического развития. При белом психозе психотического развития может не быть, персонаж фильма Ж.-К. Лозона Лео – пример тяжелого развития психотической динамики, вплоть до психоза, который потребовал госпитализации и серьезного психиатрического вмешательства. Грин и Донне поясняют, что белый психоз редко бывает в чистом виде и сложно поддается определению и описанию. В своей книге «*L'enfant de ça. Psychanalyse d'une interview: psychose blanche*» (Donnet, Green, 1973) белый психоз они описывают на основе психоанализа одного пациента общей психиатрической больницы. Пациент Z имел выраженные признаки белизны в своем функционировании и наглядные подтверждения характеристик белого психоза (Благова, 2022), сходство многих характеристик белого психоза и жизненных коллизий можно обнаружить у Лео и пациента Z.

Пациент Z – молодой человек 24 лет, – с самого начала рассказывая о проблемах своей семьи и обстоятельствах своего появления на свет, говорит: «Я не [есть] от того же отца...» (Благова, 2022, с. 11), имея в виду, что у него и его старших сиблингов не один и тот же отец. Далее он рассказывает о том, как его мать переспала со своим зятем и он ребенок этой связи, «этого», как он говорит. С самого начала это было семейной тайной, законный муж его матери признал его, но последовали два развода: его сестры с мужем и его матери с ее законным мужем. Таким образом, пациент Z появился на свет вследствие двойной измены и инцеста второго типа, а также он стал причиной двух разводов. О раннем детстве пациент почти ничего не рассказывает, авторы считают, что это могло быть связано с глубокой инфантильной амнезией: он много говорит о плохом отношении к нему матери, но не в состоянии объяснить, в чем оно проявлялось. Единоутробные братья и сестры не отвергали его, но хотели сделать его похожим на них, а также заставляли делать и видеть «разные вещи» – авторы считают, что он говорит об их сексуальной распущенности. Кажется, что Z смотрит на своих единокровных сиблингов с некоторой дистанции и чувствует свою невключенность в семейную среду. В подростковом возрасте, в 15 лет, Z уходит из школы, часто остается вдвоем с матерью, в это же время он очень увлекается игрой на аккордеоне, сочиняет музыку и занимается живописью, даже становится победителем конкурса аккордеонистов. Именно на пике его музыкального успеха проявляется его расстройство – авторы концепции белого психоза считают, что травму спровоцировало проживание Z в одной комнате с матерью и отчимом, что вызывало у него невыносимые переживания и актуализировало фантазии о первосцене. Он говорил, что мать и отчим «в нем сделали дыру», помешали заниматься музыкой и с тех пор он стал испытывать депрессивное состояние (Благова, 2022, с. 12–13).

История Лео начинается также с рассказа об обстоятельствах его появления на свет, но в отличие от пациента Z он придумывает ее. Несмотря на это фраза «Я не [есть] от того же отца...» (Благова, 2022, с 11), которую произносит Z, подходит и Лео. Очень мало информации о раннем детстве пациента Z, в фильме также немного такой информации о Лео, что позволяет предполагать глубокую инфантильную амнезию у обоих. Z жаловался на плохое отношение матери к нему, но не мог объяснить, с чем это было связано, Лео ненавидел отца, приписывал ему много негативных характеристик, но в фильме отец не похож на человека, которого он описывает. И пациент Z, и Лео дистанцированы от своих сиблингов, у обоих высоко инвестирована творческая деятельность: пациент Z с подросткового возраста занимался музыкой и живописью, Лео – литературным творчеством. Оба сталкиваются с сексуальными переживаниями, которые актуализируют фантазии о первосцене. Пациенту Z кажется, что в нем как будто сделали дыру, после того как он стал спать в одной комнате с матерью и отчимом и, вероятно, видел их секс, далее он говорит, что это помешало ему заниматься музыкой. Лео оказывается неспособным мечтать и писать после того, как он, отдавшись своими сексуальными импульсам, открывает амбивалентные характеристики объектов. Эти события разрушают сублимацию, с этого момента у каждого проявляются признаки расстройств.

Есть еще факты биографии, которые объединяют истории пациента Z и Лео: у каждого из них была важная встреча с дружелюбным, понимающим и помогающим объектом. Пациент Z некоторое время проживал у дирижера, который очень хорошо к нему относился, это помогло ему справиться с депрессией (Благова, 2022). Лео встречает «Укротителя слов», который призывает его мечтать, писать, что, по его мнению, спасает его от сумасшествия. После возвращения домой пациент Z узнает адрес своего родного отца и находит его, далее он три месяца проживает вместе с ним. Общение с отцом благоприятно сказывается на его психологическом состоянии, он считает влияние отца спасительным для себя, но тем не менее снова погружается в депрессию. Впервые Z погружается в депрессию во время проживания в одной комнате с матерью и отчимом, а затем после знакомства с родным отцом. «Авторы отмечают, что в психике Z будто есть два противоположных движения: с одной стороны, откровение имеет эффект освобождения за счет переоткрытия отца, с другой – оно лишь снова подтверждает ту печальную судьбу, которая была ему уготована изначально» (Цит. по: Благова, 2022, с. 14). Пациент Z проводит радикальную разницу между своими братьями и сестрами из семьи матери и семьи отца, категорично отделяет мир отца от мира матери, противопоставляет их, при этом не может объяснить, почему мир матери настолько плох, опирается лишь на свои «ощущения» (Благова, 2022, с. 14). Похожее противопоставление матери и отца, даже более выраженное, есть у Лео, он любит мать и ненавидит отца, отрицает его отцовство, в фильме не удастся обнаружить никаких реальных подтверждений его плохости, кажется, что Лео, и в этом еще больше, чем Z, опирается лишь на свои ощущения, таким образом оказываясь в плену расщепления

между хорошим и плохим объектами. Происходит массивная дезинвестиция отца у Лео и дезинвестиция пациентом Z всего, что было до обретения отца: матери, сиблингов по матери, его личных достижений в музыке и рисовании. «Основная часть его расстройств, по мнению Грина и Донне, связана с любовью матери и любовью к матери – вот главное отсутствие в его речи. Невозможность подумать о ней, как-то преобразовать ее образ, неспособность сохранить или потерять мать, отказаться от нее, чтобы найти свою личность, именно это и составляет основу патологического процесса» (Благова, 2022, с. 14). Дезинвестировав все, что связано с матерью, Z ищет отца, который обладал бы чем-то совсем противоположным ей, это становится необходимым для выживания. Отец Лео всегда был частью его реальности, был включен в воспитание мальчика и жизнь семьи, но в фильме не звучит ни малейшей информации о любви отца к Лео и его любви к отцу. Фантазии Лео о воображаемом отце являются попыткой не думать о реальном отце, не признавать горе от проигрыша в эдиповой конкуренции с ним, подчеркивают его неспособность обрести отца, пройти идентификацию и деидентификацию с ним, что в итоге приводит и его к развитию патологического процесса.

Пациент Z отправляется на поиски своего родного отца, но не интересуется им по-настоящему, у него нет желания узнать что-то о нем и о том, что когда-то связывало отца и мать, он не может рассказать ничего о том, как прошла их встреча, о чем они говорили. Это происходит не потому, что для Z это неважно, а потому что место, в котором могли бы быть репрезентации отца, уже заполнены пустотой и реальная встреча не меняет его субъективности. С одной стороны, знакомство Z с отцом подтверждает его отличие от материнской среды и сиблингов со стороны матери, с другой стороны, попытка идентификации с отцом ослабляет у него запрет на инцест и влияет на восприятие разницы поколений, ведь отец пациента Z был младше его матери на 20 лет и являлся ее зятем. Грин и Донне подчеркивает, что у Z не было страха инцеста, это не невротическая проблематика, так как он полностью отделяет себя от материнской среды после открытия отца, противопоставляет его идеализированный образ загрязненному образу матери, что лишь укрепляет расщепление (Благова, 2022, с. 14–15).

Психика Лео не может допустить мысли о том, что его рождению предшествовали связь его отца и матери и их взаимное желание, защищая себя от этих мыслей, он находит временное спасение в сублимации. Лео придумывает альтернативную реальность, ложную триангуляцию, идеализированный образ отца-итальянца, который является лишь отражением идеализированной матери, это не позволяет сформироваться необходимым психике репрезентациям о родителях и первосцене. Сублимация, по мнению К. Смаджи, зиждется на очень зыбкой почве, он различает разного рода сублимацию: хорошо ментализированную сублимацию и плохо ментализированную, которая насыщена травмирующими моментами жизни, она основана на одной лишь потребности сублимировать, малейшая дезорганизация психики при такой сублимации может приводить к болезни (Smadja, 2024). П. Марти писал, что «сублимация связана с частичными

влечениями, которым так и не удалось интегрироваться в генитальность. Именно поэтому даже самым инвестированным и удачным сублимациям не удастся защитить человека от соматической и психической дезорганизации» (Цит. по: Фусу, 2023, с. 34). Ф. Дюпарк пишет о двух видах сублимации – сублимации жизни и сублимации смерти: «...у истоков сублимаций жизни находится родительская пара, если она позволяет миметически простроить достаточно хороший эдипов первофантазм и особенно фантазм первосцены. <...> Разница между сублимацией жизни и смерти связана, по мнению Ф. Дюпарка, в основном с существованием мутилирующего расщепления, повторного травматического резонанса, приводящего к развязыванию влечений и к стремлению получить разрядку в поведении и к дезобъектализации с отсутствием достаточно защищающего партнера» (Цит. по: Фусу, 2023, с. 38).

Опираясь на идею Дюпарка о двух видах сублимации, можно сделать вывод о том, что из-за отрицания родительской пары и несформированности фантазмов психика Лео вынуждена была прибегнуть к сублимации смерти. Она поддерживает у Лео ощущение пребывания в ложной триангуляции, формирует альтернативную, ложную первосцену, в которой он создает, придумывает себе отца и «управляет» в ней процессом своего зачатия, что не может не вызывать инцестуозных переживаний. Такая сублимация имеет насильственный, компульсивный характер и спасает Лео ровно до того момента, пока не становятся очевидны сила его сексуальных желаний и амбивалентность всех ранее идеализированных женских образов. Открытие существования сексуальности и вместе с ней травматичное обнаружение родительской первосцены разрушают у него способность сублимировать, противопоставленные родительские объекты приводят к невозможности формулирования амбивалентных, противоречивых репрезентаций, что заканчивается для Лео параличом мышления. Цель паралича мышления – полный разрыв связей между хорошим и плохим объектом. «Дезинвестирование мышления приводит к негативной галлюцинации мысли – пустоте, в которой субъект поселяется, эвакуируя любые мысли и репрезентации, способные ее заполнить, чтобы избежать психотической катастрофы, связанной с влечением к первичному объекту и путаницей между субъектом и объектом» (Благова, 2022, с. 20).

«Грин и Донне предполагают, что конфигурация, в которой пациент Z является последним ребенком своей матери и первым ребенком отца, могла сформировать особый фантазм первосцены, в котором он будто отнял материнство у своей матери, чтобы передать отцовство своему отцу, как если бы он открыл, основал, утвердил примат отцовства. Мы можем рассуждать о том, что в этой первосцене участие пациента выражается в его функции, которой он, с одной стороны, соединяет родителей в этой первосцене, с другой – разъединяет; иными словами, происходит момент изъятия и передачи фертильности от одного другому, и это для него будто единственная возможность организации первофантазма» (Благова, 2022, с. 17). Такая инцестуозная фиксация оказывается невыносимым переживанием и приводит к параличу мышления. Пример пациента Z – это иллюстрация последствий ригидного, абсолютного расщепления между

идеализированным отцом и деформированной репрезентации матери, в результате этого расщепления отцовская фигура становится двойником матери, что приводит к глобальной путанице и не позволяет включить в психику внутренние объекты, первосцену, не дает ему построить собственную субъективность и приводит к психотической катастрофе (Благова, 2022).

Белый психоз – это матричная структура, несущая в себе предрасположенность к психотическому развитию, которая также является и защитной структурой. Защитная функция белого психоза состоит в том, чтобы спасти человека от хаотичных влечений, возникающих в случае травматичных событий, за счет стирания психической продукции и разрывания связей. К защитным явлениям при белом психозе может быть отнесена и сублимация, которая присутствовала у пациента Z и киноперсонажа Лео, а также наблюдается в некоторых случаях в клинической практике, которые можно диагностировать как белый психоз. Еще одним важным моментом, объединяющим эти два примера, является факт наличия сильных сексуальных переживаний и импульсов перед наступлением значительного ухудшения состояния. В ряде случаев клинической практики, которые можно диагностировать как белый психоз по критериям, предложенным Грином и Донне, состояние пациентов остается более стабильным, если сохраняется выраженная асексуальность – отсутствие влечения, оргастической разрядки, безразличие к сексу. Было замечено, что у пациентов с признаками белого психоза и выраженным безразличием к сексу, фригидностью состояние сохраняется более стабильным даже при наличии отношений и сексуальных контактов. Это наблюдение может говорить о невозможности человека помыслить о первосцене, в которой будут совокупляться два родительских объекта, а также о невозможности представить себя участником первосцены из-за мощного расщепления, которое присутствует при белом психозе. С точки зрения Ж. Шаффер, влечения развязываются в процессе сексуального акта и соединяются вновь во время оргазма (Шаффер, 2022), при сильном расщеплении влечения не могут связаться вновь. Капсамбелис поясняет, что влечение, идущее из сомы, должно связаться с психикой, стать мышлением, если между влечением и репрезентацией есть белое, то это говорит о том, что влечение не смогло стать мышлением, не появился образ или слово, а вместо них – белое пространство без какой-либо записи (Капсамбелис, 2025).

Белый психоз не является синдромом и клинической формой психоза, это невидимая структура, которая, по утверждению авторов концепции, редко встречается в чистом виде, а также сложна для определения и диагностики. Ценность концепции белого психоза в том, что она позволяет обнаружить психотическое ядро и предположить вероятность возникновения клинической формы психоза (Капсамбелис, 2025). Главной рекомендацией Грина и Донне по работе с клиникой белого психоза является необходимость предоставления аналитиком пациенту пространства потенциального, пространства отсутствия, которое позволило бы сформировать у него внутренние амбивалентные объекты; таким пациентам нужно переходное пространство, в котором смогла бы происходить работа по

созданию контейнера для содержаний пациента и созданию содержаний для контейнера, пространство «это могло бы значить». При этом важно избегать чрезмерной вербальной активности, которая может стать следствием ощущения терапевтом пустоты и психической смерти в контрпереносе при работе с такими пациентами (Благова, 2022, с. 19).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бион У. Р. Элементы психоанализа / Пер. с англ. М.: Когито-Центр, 2009. 127 с.
2. Благова А. С. Белый психоз: по следам А. Грина и Ж.-Л. Донне // Журнал клинического и прикладного психоанализа. 2022. № 3(3), 5–23 [Электронный ресурс] URL: <https://psychoanalysis-journal.hse.ru/article/view/16185> (дата обращения: 14.02.2024)
3. Буш Ф. Тайны РеВеРи. Мечтания аналитика. АО «Областная типография «Печатный двор», 2020. 202 с.
4. Инцесты / Под ред. Ж. Андре. Пер. с фр. М.: Когито-Центр, 2017. 158 с. («Библиотека психоанализа».)
5. Капсамбелис В. Жан-Люк Донне, Андре Грин. «Белый психоз» [Стенограмма] // Семинар в Институте психологии и психоанализа на Чистых прудах. М., 2025.
6. Капсамбелис В. Психотическое функционирование: психоаналитическая психопатология // Уроки психоанализа на Чистых прудах: сборник статей приглашенных преподавателей. Вып. 1. Изд. 2-е, доп. и испр. / Пер. А. И. Коротецкой, Л. И. Фусу. М.: Институт психологии и психоанализа на Чистых прудах. М.: Наука, 2023. С. 159, 166. 354 с.
7. Лозон Ж.-К. Леоло. Текст, цитаты, сюжет, содержание, описание [Электронный ресурс] URL: <https://cinematext.ru/movie/leolo-leolo-1992/> (дата обращения: 09.08.2025).
8. Миямото К. 10 типов структуры сценария, которые можно использовать в любом жанре / Пер. с англ. В. Комиссарука, И. Глазунова. 2025 [Электронный ресурс] URL: <https://snegiri-studio.ru/blog/389910?ysclid=lsd0fgdbh9634637178> (дата обращения: 09.08.2025).
9. Психоаналитические термины и понятия: словарь / Под ред. Барнесса, Э. Мура и Б. Д. Файна / Пер. с англ. А. М. Боковой, И. Б. Гриншпуна, А. Фильца. М.: Независимая фирма «Класс», 2000. 304 с. (Библиотека психологии и психотерапии, вып. 79)
10. Руководство по психиатрии / Под ред. А. В. Снежневского. М.: Медицина, 1983. Т. 1. 480 с. 25 000 экз.
11. Тайсон Р., Тайсон Ф. Психоаналитические теории развития / Пер. с англ. Екатеринбург: Деловая книга, 1998. 528 с.
12. Фусу Л. И. Сублимация смерти и сублимация жизни // Журнал клинического и прикладного психоанализа. 2024. №. 4(4), 33–40 [Электронный ресурс] <https://psychoanalysis-journal.hse.ru/article/view/18975> (дата обращения: 29.06.2024)
13. Хиншелвуд Р. Д., Фортуна Т. Мелани Кляйн: Основы. М.: Центр психологического консультирования и психотерапии, 2022. 216 с.

14. *Хиншелвуд Р. Д.* Кляйнианский клинический практикум: от теории к практике / Пер. с англ. М.: Канон + РООИ «Реабилитация», 2019. 344 с.
15. *Шаффер Ж.* Психоанализ женского // Журнал клинического и прикладного психоанализа. 2022. № 3(1), 38–65 [Электронный ресурс] URL: <https://psychoanalysis-journal.hse.ru/article/view/14192> (дата обращения: 09.08.2025)
16. *Breinski L.* (2020) Journey along the paths of Hope-Hopelessness in transference–Countertransference. [View the publication]. IJP Open – Open Peer Review and Debate 7: 1–42 [Электронный ресурс] URL: <https://per-web.org/search/document/IJPOPEN.007.0080A> (дата обращения: 18.02.2024)
17. *Donnet J. L., Green A.* (1973). L'enfant de ça. Psychanalyse d'un entretien: la psychose blanche. Paris: Éd. de Minuit, 2004. P. 350.
18. *Landry B.* (2020) Réjean Ducharme: L'affirmation du sujet dans l'avalée des avalés. Master's thesis In the Department of Languages, Literatures and Cultural Studies University of skatchewan Saskatoon [Электронный ресурс] URL: <https://harvest.usask.ca/server/api/core/bitstreams/a5cad168-50bb-46ad-b329-a0f2898b17d8/content>
19. *McSorley T.* (2006) Léolo. The Canadian Encyclopedia [Электронный ресурс]. URL: <https://www.thecanadianencyclopedia.ca/en/article/leolo> (дата обращения: 09.08.2025)
20. *Olanye P.* (2001) Chapter 6 On Paranoia: The Primary Scene and Primary Delusional Thinking. Violence of Interpretation: from pictogram to statement. 41: 177–219 [Электронный ресурс] URL: <https://per-web.org/search/document/NLP.041.0177A> (дата обращения: 18.02.2024)
21. *Smadja C.* (2024) À propos de la sublimation. Transcription du séminaire de l'Institut de Psychosomatique Pierre Marty (IPSO), Paris.

The concept of white psychosis by A. Green and J.-L. Donne in the film J.-K. Lozon "Leolo"

O. V. Tsanova

Tsanava Oksana V., psychologist, psychoanalytic psychotherapist (Society of Psychoanalytic Psychotherapy), associate member of the Moscow Psychoanalytic Association, lecturer at the Higher School of Psychology, supervisor of study groups of the master's program "Psychoanalysis and Psychoanalytic Psychotherapy" at the Higher School of Economics.

The article examines the concept of white psychosis by A. Green and J.-L. Donne through the analysis of the main character of the film J.-K. The Lozon "Leolo", as well as a comparative analysis of the characteristics of white psychosis in patient Z, described by Green and Donne in the book "L'enfant de ça. Psychanalyse d'une interview: psychose blanche" (Donnet, Green, 1973) and Leo's film persona in Lauzon's film "Leolo".

Keywords: white psychosis, psychotic potentiality, triangulation, thinking paralysis, film "Leolo", director J.-C. Lauzon, dreaming, symbolization.